

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография. Составитель, автор статей и биографии Г.Ф. Благова. М.: Восточная литература, 2008. 590 с.

Рецензируемое издание представляет собой продолжение серии публикаций архива выдающегося отечественного тюрколога, академика Александра Николаевича Самойловича (1880–1938). В 2005 г. был издан том [Самойлович 2005], в который вошли многие его труды, ранее не издававшиеся, и переиздан ряд работ, публиковавшихся в редких и малодоступных изданиях. Теперь публикуются сохранившаяся переписка ученого (149 писем Самойловича и Самойловичу), а также еще несколько документов, вышедших из-под пера ученого. Все они подготовлены к печати и прокомментированы Г.Ф. Благовой, подготовившей (вместе с Д.М. Насиловым) и издание 2005 г. Г.Ф. Благовой также принадлежат включенные в издание научная биография Самойловича, предисловие и четыре статьи.

Безусловно, публикация архива выдающегося ученого имеет большое научное значение. Судьба этого архива подтверждает известные слова: «Рукописи не горят». Самойлович был расстрелян как «японский шпион», и, казалось бы, из его неопубликованных рукописей и писем не должно было ничего сохраниться, кроме, может быть, случайных материалов из личных архивов. Однако их значительная часть дошла до нас (и это не единичный случай: уцелели архивы и ряда других репрессированных востоковедов, например, Н.А. Невского). Г.Ф. Благова рассказывает, как это произошло (с. 18). Основная часть материалов к моменту ареста хранилась либо дома, либо в Институте востоковедения АН СССР. Домашняя часть архива была изъята при обыске, но не уничтожена, а передана в 1938 и 1941 гг. в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки, где составила отдельный фонд. А институтская его часть осталась в Институте востоковедения, пережила там блокаду и в 1949 г. по устному

распоряжению президента Академии С.И. Вавилова была передана в Архив АН СССР, где также составила отдельный фонд. Но, разумеется, что-то и пропало. Например, из архива Н.Я. Марра, как трижды сообщает Г.Ф. Благова (с. 18, 340, 540), в 1939 г. специальным актом изъяли письма Самойловича, которые, скорее всего, затем уничтожили. А что-то, к сожалению, исчезало и позже. Письма Самойловича В.А. Гордлевскому были сохранены адресатом и после его смерти послужили основой статьи Н.А. Баскакова «А.Н. Самойлович в письмах В.А. Гордлевскому», перепечатываемой в рецензируемой книге (с. 232–243), но где эти письма сейчас, неизвестно, и о них можно судить лишь по фрагментам, цитируемым Баскаковым.

Переписка Самойловича, публикуемая в данном издании (с. 94–276), охватывает период с 1902 по 1936 гг., т. е. весь период научной деятельности Самойловича. Особенно значительна переписка ученого с одним из его учителей академиком В.В. Бартольдом (59 писем Бартольда, 28 писем Самойловича и одно письмо жены Бартольда), она составляет более половины всех публикуемых в томе писем. На втором месте по объему И.Ю. Крачковский (14 писем Самойловича и 6 писем Крачковского). В гораздо меньшем объеме (от одного до 10 писем) представлены другие видные ученые, в основном тюркологи: П.М. Мелиоранский, С.Е. Малов, В.А. Гордлевский, Н.И. Ашмарин, Е.Д. Поливанов, К.К. Юдахин, Н.К. Дмитриев, Б.Я. Владимирцов и др. Иностранная наука представлена лишь одним письмом Самойловичу польского тюрколога А. Зайончковского.

Публикуемые письма, разумеется, неравноценны по содержащейся в них информации, но во многих случаях они представляют собой несомненный интерес. Более всего, конечно,

они дают материал о жизни и деятельности самого Самойловича, и на них, прежде всего, основана содержательная его биография, выполненная Г.Ф. Благовой (с. 353–478). Ранее публиковались биографические очерки Ф.Д. Ашнина [Ашнин 1963; 1978], но данная биография намного полнее. Ее автор, учитывая, разумеется, и другие данные, в максимальной степени использует материал писем и убедительно показывает как научный путь ученого, так и его характер, особенности его личности, отличавшие его от коллег, например, от его ровесника С.Е. Малова, не менее крупного тюрколога, лишенного, однако, социального темперамента. Показана, в частности, большая общественная активность Самойловича, «человека действия» (с. 427). Еще до революции в нем проявлялись задатки лидера среди востоковедов своего поколения (с. 58), а после Октября «по складу своего характера он не считал для себя возможным остаться в стороне от налаживаемого дела просвещения и культурного развития тюркских народных масс, дела живого и нужного для страны, для тюркских народов» (с. 427). Как хорошо видно из писем разных лет, если до революции биография Самойловича – это история его научных трудов и экспедиций, то затем он вел разнообразную деятельность иного рода: научно-организационную, просветительскую, некоторое время и дипломатическую. Письма отражают и его постоянную помощь людям, многим он помог с устройством на работу, переездом в другой город и др. Но «государственный масштаб задач языкового строительства... значительно потеснил его личные научные планы» (с. 427), о чем тоже подробно пишет Г.Ф. Благова. Многие замыслы остались нереализованными, а многое осталось в рукописях и черновиках и лишь сейчас публикуется.

Но в переписке можно найти немало интересного и не только о Самойловиче. Отметим, например, свидетельство И.Ю. Крачковского о настроениях украинских крестьян в 1905 г. (с. 196) или картину имевшего, по мнению Самойловича, «жизнерадостный вид» Баку 1923 г. из его письма Крачковскому (с. 211). Много говорится о подготовке Первого (и на долгие годы единственного) всесоюзного тюркологического съезда в Баку в 1926 г., о ходе работ по латинизации письменностей тюркских народов, о научной жизни Азербайджана, Узбекистана, Татарстана в 20-е гг. и др. Иногда узнаем что-то новое о людях, казалось бы, далеких от тюркологии. Скажем, С.Е. Малов упоминает в связи с заседанием памяти Н.Ф. Катанова в Казанском университете о выступлении «студентки Нечкиной» с теплыми словами о покойном (с. 227). Речь идет о М.В. Нечкиной,

впоследствии известном историке, одной из первых у нас женщин-академиков.

Кое-что новое мы узнаем и о коллегах Самойловича. Остановлюсь лишь на сведениях о Е.Д. Поливанове. Хотя сохранились лишь два его письма Самойловичу (а письма Самойловича, видимо, пропали безвозвратно, хотя Г.Ф. Благова выражает надежду на недоступные при подготовке данного издания среднеазиатские архивы), но в одном из них упомянута как в основном готовая для печати его работа «Диалектологический словарь узбекского языка», о которой ранее не было известно (с. 253). И дважды в переписке Самойловича затрагиваются сложные моменты биографии Поливанова. В письме А.Э. Шмидта Самойловичу из Ташкента от 10 декабря 1922 г. упомянуто о «психическом заболевании Поливанова», тогда жившего в Ташкенте, из-за чего Шмидт был вынужден взять на себя часть его нагрузок (с. 263). Ранее об этой болезни не было известно. А В.В. Бартольд, побывавший в Ташкенте в 1925 г., писал 22 июня этого года Самойловичу: «В университете успехам научной тюркологии по-прежнему больше всего содействуют работы Поливанова, но неизвестно, надолго ли его хватит; и физически, и нравственно он все больше опускается» (с. 150). Подобные характеристики были и у других современников, но академик ошибся в прогнозе: пожалуй, самый научно насыщенный в жизни Поливанова московский период деятельности еще был впереди.

В книгу входят четыре статьи Г.Ф. Благовой: «Плеяда востоковедов-единомышленников в противостоянии новой и старой школ (первые десятилетия XX в.)» (с. 17–93), «Загадки архива А.Н. Самойловича» (с. 509–513), «Эдичионно-исследовательская методика в трудах академика А.Н. Самойловича» (с. 514–529) и «Новая тюркология и новое учение о языке: А.Н. Самойлович и Н.Я. Марр» (с. 530–545). Из них хочется специально остановиться на первой и последней.

В первой статье Г.Ф. Благова рассматривает историю отечественного востоковедения со второй половины XIX в. до 30-х гг. XX в., выделяя научные судьбы видных востоковедов – непосредственных предшественников и современников Самойловича. Среди них было много действительно выдающихся ученых, однако в нашей историографии слишком часто все сводилось к перечислению их основных трудов и стандартно высоким оценкам. Востоковеды, при жизни спорившие, а то и враждовавшие друг с другом, оказывались на одно лицо. Г.Ф. Благова вполне правомерно спорит с таким подходом и стремится не только рассмотреть классическое русское востоковедение как единое целое, но и выявить в его составе

разные школы и направления и определить не только сходства, но и различия между ними. Это отражено уже в заглавии статьи. Как пишет Г.Ф. Благова, в современных курсах «Введения в тюркологию» нет «необходимых сведений даже о самом факте существования новой и старой востоковедных научных школ» (с. 23), поэтому она хочет «хотя бы поставить задачу на будущее» (с. 23–24).

При разграничении школ автор берет за основу высказывания самого А.Н. Самойловича (с. 22, 28 и др.), в приложении к книге (с. 479–491) специально перепечатана его статья 1919 г. памяти И.Н. Березина. Самойлович относил к старой школе уже покойного к тому времени И.Н. Березина, а среди своих современников В.Д. Смирнова (с которым, как показано в книге, у Самойловича имелись постоянные разногласия). Вероятно, к ней следовало бы отнести и А.М. Позднеева, с которым Самойлович мало был лично связан. Становление новой школы Самойлович связывал, прежде всего, с именами В.Р. Розена и К.Г. Залемана. Старая школа ориентировалась на отечественные образцы середины прошлого века и игнорировала достижения современной науки, особенно западной, легко переходила от одной темы к другой и была склонна к обобщениям, не основанным на детальном анализе фактов. Но в центре внимания новой школы, как пишет Г.Ф. Благова, было «кропотливое и тщательное изучение памятников, сочетавшееся с новыми, более совершенными подходами к анализу» (с. 22). Эта школа была тесно связана с западной ориенталистикой и ориентировалась на ее достижения. Отмечено вслед за Самойловичем и свойственное ей «изучение живых наречий в духе новых требований научного языкознания» (с. 22, 491).

Все же представляется, что можно здесь пойти дальше и выделить не две, а три школы, точнее, три этапа в развитии русского востоковедения. Автор рецензии посвятил этой проблеме специальную публикацию [Алпатов 1994]. Если в разграничении старой и новой школ и в характеристике старой школы мы вполне согласны с Г.Ф. Благовой, то новая школа, по Самойловичу, требует дифференцированного к себе отношения, хотя в тюркологии дифференциация не была столь явной, как, скажем, в арабистике, индологии или китаистике. «Кропотливое и тщательное изучение памятников» и «изучение живых наречий» редко совмещались в лице одного востоковеда (хотя среди таких редких исключений был и крупнейший тюрколог В.В. Радлов). Ученые, писавшие по-немногу обо всем, вроде И.Н. Березина, сменились в большинстве областей науки о Востоке узкими специалистами, занимавшимися только

одним языком или несколькими родственными языками и в большинстве рассматривавшими язык лишь как вспомогательное средство для познания культуры, отраженной в памятниках. Еще одной чертой такого подхода было игнорирование современных языков и культур при преимущественном интересе к древности. С.Ф. Ольденбург писал В.Р. Розену: «Нам нечего делать в лингвистике, у нас работы и без того вдоволь» [Неизвестные 2004: 289]. А связанный с тюркологией В.В. Бартольд позднее писал: «Среди русских ориенталистов всегда было всего менее чистых лингвистов» [Бартольд 1977: 587]. Но в тюркологии была своя специфика. Самойлович переход к изучению живых наречий датировал 60-ми гг. XIX в., хотя в других областях востоковедения в это время ситуация была прямо противоположной. Играл, видимо, роль тот факт, что тюркские языки в отличие от других языковых семей были широко представлены в России, и если востоковеды иных специальностей в те же годы замкнулись в рукописных фондах, то тюркологи выезжали в лингвистические и фольклорные экспедиции. В этом ведущую роль играли два крупных ученых: В.В. Радлов и Н.И. Ильминский, второй из которых при хорошей научной подготовке все же больше ставил перед собой не академические, а практические задачи.

Активный переход к изучению современности и к отделению лингвистики от филологии стал намечаться в России лишь в предреволюционные годы, в основном силами ученых поколения Самойловича или еще моложе. Тюркология, впрочем, и здесь имела специфику: ключевую роль в этом переходе сыграл уже его первый учитель П.М. Мелиоранский, который в этом духе воспитал и своего ученика. Впрочем, как показано в рецензируемой книге, путь Самойловича не был прямым: как пишет Г.Ф. Благова, «в итоге усиленных занятий туркменскими диалектами Самойлович испытал глубокое разочарование, а его исследовательские интересы в области туркменоведения кардинально переключились с диалектологии на литературоведение, фольклористику, а также этнографию» (с. 379). Занялся он и рукописями, одной из которых (впрочем, поздней, XIX в.) была посвящена и его магистерская диссертация. Г.Ф. Благова объясняет такой переход, прежде всего, трудностями со сбором диалектного материала (с. 379). Однако, вероятно, играла роль и обстановка в петербургском востоковедении после ранней смерти Мелиоранского. Несколько страниц выше Г.Ф. Благова отмечает: «Готовность Самойловича написать общий очерк известных ему туркменских говоров, по-видимому, в то время не нашла должного отклика» (с. 369). Чтобы

получить признание в кругу востоковедов, даже новой школы, молодой ученый должен был, как тогда полагалось, издать и прокомментировать памятник.

Все окончательно изменилось в советское время. Большинство научных публикаций Самойловича этих лет – либо лингвистические, либо чисто литературоведческие, но не филологические. Г.Ф. Благова объясняет это, в первую очередь, политической ситуацией (с. 427 и др.), но, вероятно, играли роль и процессы, происходившие в самой науке.

Важен и вопрос о взаимоотношениях Самойловича и Н.Я. Марра, которому также посвящена особая статья Г.Ф. Благовой. Как известно, Марр пришел к «марксизму в языкознании» из среды классического русского востоковедения, представители которого считали его выдающимся деятелем своего цеха и долгое время одобрительно относились к его гипотезам. Впрочем, согласно неписаному кодексу чести в этой среде, им не полагалось оценивать идеи, основанные на материале, которым они сами не владели, поэтому они не вдавались в суть его кавказоведческих публикаций и не замечали проявлявшиеся уже там тревожные симптомы. Однако «новое учение о языке» они в большинстве не приняли, часто не только по научным, но и по политическим причинам, оправдывая иногда его появление болезнью Марра. Типичен приводимый в книге отзыв А.Е. Крымского в письме И.Ю. Крачковскому после смерти Марра: «Мое отрицательное отношение к его работам последнего времени, когда он был психически болен, Вам известно, но прежнего Марра, усердно и талантливо порабатывавшего для ориенталистики и принесшего своею работою честь ей, я высоко ценил и ценю» (с. 540).

Но Самойлович резко выделялся среди востоковедов своего и предшествующих поколений положительными оценками марризма, сходясь лишь с некоторыми совсем молодыми тогда учеными. Это требует объяснений. Г.Ф. Благова пишет о «давней симпатии А.Н. Самойловича к Н.Я. Марру» (с. 340), восходящей еще к дореволюционным временам, когда Марр, тогда декан восточного факультета Петроградского университета, поддержал молодого тюрколога в его конфликте с В.Д. Смирновым. В дальнейшем их личные отношения были почти всегда хорошими до конца жизни Марра (свою последнюю поездку за границу он совершил за несколько месяцев до инсульта вместе с Самойловичем в Турцию). Однажды, впрочем, Самойлович испытал на себе гнев Марра, уничтожающе отозвавшегося в 1926 г. о его классификации тюркских языков, основанной на сравнительно-исторических критериях. Этот

инцидент, впрочем, не стоит ставить в один ряд с травлей Е.Д. Поливанова после выступления против Марра, как это делает Г.Ф. Благова (с. 538), видя различие лишь в усилении с годами жесткости реакции Марра. Прежде всего, иной была реакция самого Самойловича, который не стал спорить с Марром и воздержался от публикации последнего варианта своей классификации. Но и для Самойловича этот эпизод не имел серьезных последствий.

Но важна и научная сторона. В письмах есть свидетельства об интересе Самойловича к идеям Марра. 20 ноября 1923 г. (за день до публичного провозглашения «нового учения о языке») он писал В.В. Бартольд у из Баку, что получил там «данные... по вопросу о яфетизмах в азербайджанском языке» (с. 134). Еще существеннее письмо Н.И. Ашмарину от 5 февраля 1925 г., то есть уже в период «нового учения»: «Н.Я. Марр был в Симбирске у чувашей и сделал о поездке интереснейший доклад об этих басках Восточной Европы. Я сочувствую изучению турецких языков в яфетическом освещении, но моя статья “От туранизма к яфетидизму” пишется крайне медленно» (с. 248). Данный доклад, вскоре опубликованный, последователи Марра рассматривали как этапный в развитии его учения: впервые в число яфетических был включен (если не считать армянского языка, который все-таки считался «скрещенным яфетическо-индоевропейским») язык с ранее уже установленными родственными связями; тем самым окончательно перечеркивалась генетическая классификация языков и опровергалась прежняя идея Марра о яфетических языках как семье. Согласно Марру, и яфетические, и тюркские (турецкие) языки – не семьи, а стадии в развитии языков мира; чувашский язык – еще яфетический, как грузинский и баскский, а другие тюркские языки уже достигли следующей стадии; на определенном уровне экономического развития любой народ, в частности, будет называть воду *зи*, как это делают грузины, берберы, чуваша и пережиточно другие тюркские народы [Язык 1936: 45–46]. Называть чувашей «басками Восточной Европы» можно было, лишь приняв эту идею, под влиянием которой оказался Самойлович. Указанную в письме статью он, правда, так и не опубликовал (с. 340), но письмо Ашмарину не подтверждает оценку Г.Ф. Благовой о том, что ученый выражал сочувствие яфетической теории лишь на словах (с. 463).

Сейчас очевидно, что данная идея Марра, как и «новое учение о языке» в целом, заводили в тупик. Но тогда они привлекали многих, в чем роль, кроме всего прочего, играли давно сложившийся научный авторитет Марра и яркость его выступлений, упоминаемая в книге (с. 300).

Нельзя интерес к ним объяснять только страхом репрессий, тем более что Н.И. Ашмарин не был человеком, перед которым надо было специально демонстрировать свою лояльность, а к февралю 1925 г. учение Марра ни им самим, ни его покровителями еще не было объявлено «марксизмом в языкознании» (впервые об этом заявит А.В. Луначарский двумя месяцами позже). В этот период «новое учение» казалось многим, и, прежде всего, ученым-новаторам, к которым относил себя Самойлович, новым словом в науке. И сдача позиций по вопросу классификации тюркских языков могла объясняться не только политическими причинами, но и научным авторитетом Марра.

Все это давило на Самойловича. Г.Ф. Благова упоминает, что в 1931 г. он (в письме, не вошедшем в издание) отказал крупному ученому старой школы В.А. Богородицкому в просьбе написать предисловие к его книге по тюркологии, которую в Казани, где он жил, не хотели печатать из-за ее несоответствия учению Марра. Самойлович объяснил это тем, что «не успел еще надлежащим образом перевооружиться методологически», и посоветовал обратиться к самому Марру (с. 462, 539).

Но, безусловно, чем дальше, тем больше на Самойловича влияла его официальная позиция лидера советского востоковедения (хотя и не члена партии), особенно после его назначения в 1934 г. директором Института востоковедения АН СССР. «Как директор ИВ АН СССР Самойлович был обязан “методологически перевооружиться” в этот самый тяжелый период господства марризма» (с. 463), поэтому именно в 1935 г. он опубликовал, по оценке Г.Ф. Благовой, «единственную конформистскую статью» (с. 541), где прославлялось учение уже покойного Марра, включая самые бредовые его идеи. Можно согласиться с тем, что он в ней «говорит от имени всей тюркологии страны» (с. 541); резко отрицательную оценку этой статьи дал в свое время и автор данной рецензии [Алпатов 1991: 87]. Но в этой же статье Самойлович указывал, что до того опубликовал еще пять «прояфетических статей», которые, как указывает Г.Ф. Благова (с. 544), далеко не лишены научного значения. Однако, разумеется, Самойлович, как и практически все ученые того времени, чьи взгляды и методы сложились до установления господства «нового учения о языке», не мог перечеркнуть свою научную деятельность и принять «новое учение» в целом, а мог лишь использовать отдельные его идеи и положения. Это хорошо видно из данной книги.

К сожалению, история «нового учения о языке» изложена у Г.Ф. Благовой не всегда точно. Например, на с. 534 упомянуто о «раннем

увлечении» Марра лингвистикой в 1890-е гг., а затем сказано: «В начале 20-х годов... Н.Я. Марр активно возобновил свои лингвистические штудии, стремясь на этот раз приспособить их к весьма актуальному в то время учению марксизма». Но Марр впервые опубликовал свои яфетические идеи еще студентом в 1888 г., после чего его учитель В.Р. Розен уговорил его не публиковать их до защиты докторской диссертации, но после смерти Розена в 1908 г. Марр сразу возобновил лингвистические штудии, в том же году издав книгу о семитско-яфетических языковых связях, и уже не оставлял эти штудии до конца жизни. А вот их приспособление к марксизму началось у Марра (а до того у некоторых его последователей) не в начале 20-х, а во второй их половине.

Г.Ф. Благова проделала огромную комментаторскую работу по выяснению данных о лицах и событиях, упоминаемых в письмах. Но где-то ее оценки можно уточнить. Упомянутая выше книга В.А. Богородицкого в итоге была напечатана с предисловием (точнее, опубликованной вместо предисловия рецензией) П. Кузнецова. Г.Ф. Благова предполагает, что его автором был упоминаемый в одном из писем А.Э. Шмидта Самойловичу выпускник Туркестанской учительской семинарии, читавший в 20-е гг. в Ташкенте курс узбекского языка (с. 540). В книге упомянуто, что и А.Э. Шмидт, и К.К. Юдахин оценивали этого П. Кузнецова очень невысоко (по выражению К.К. Юдахина, «деятель совсем незаметный», с. 345). Но тот ли это Кузнецов? Он сам пишет о себе: «Не являюсь специалистом по тюркским языкам» [Богородицкий 1933: IX]. С другой стороны, среди претензий к Богородицкому есть и такая, какую вряд ли мог бы высказать выпускник учительской семинарии: «Не ставится вопрос о фонеме» [Богородицкий 1933: VIII]. Наконец, П. Кузнецов назван действительным членом Научно-исследовательского института языкознания при Наркомпросе в Москве [Богородицкий 1933: VII]. Всего сказанного достаточно, чтобы считать автором этого текста известного лингвиста Петра Саввича Кузнецова, в то время работавшего именно в указанном институте.

Ряд комментариев можно было бы расширить. Например, такой комментарий к письму И.Ю. Крачковского 1905 г.: «Жданов – ректор СПб. университета в начале XX в.» (с. 318). То есть, повторена информация, уже содержащаяся в письме. Но нетрудно установить, что это астроном Александр Маркелович Жданов (1858–1914), ректор Петербургского университета с 1903 по 1905 гг. Не учтены некоторые возможные источники информации, например, книга 1994 г. «“Дело славистов”: 30-е гг.»,

подготовленная Ф.Д. Ашниным вместе с автором данной рецензии, из нее можно было бы получить более полные данные об упомянутых в переписке Самойловича А.А. Миллере, Ф.А. Фиельструпе. Биографические данные о Е.Д. Поливанове (с. 71) даны почему-то со ссылкой на книгу А.А. Долининой, где о нем говорится лишь попутно, хотя специально о Поливанове написаны книги В.Г. Ларцева и А.А. Леонтьева, не отраженные у Г.Ф. Благовой.

В именном указателе спорен сам принцип: включать в него только востоковедов. На практике отделить востоковедов от ученых других специальностей всегда трудно, что проявляется и здесь. Например, включена М.В. Нечкина, которая была крупным историком, но Востоком не занималась, но нет, скажем, И.А. Бодуэна де Куртенэ, который рассматривал самые разные темы, включая и востоковедные. А кто-то не попал и среди безусловных востоковедов, например, упомянутый в переписке китаист Любимов. И есть в указателе неточности, например, фигурирует упоминаемый на пяти страницах книги «Д.И. Позднеев», хотя востоковеда с такими фамилией и инициалами не было, а были братья А.М. и Д.М. Позднеевы. Но на стр. 162 и 307 упомянут Д.М. Позднеев, на стр. 300 и 493 – А.М. Позднеев, а на стр. 39 – оба брата. Кстати, датой смерти Д.М. Позднеева на стр. 39 назван 1942 г., хотя давно установлено, что это фиктивная дата, маскировавшая в 50–80-е гг. истинный год его гибели – 1937. Аналогичная ошибка (1946 вместо 1937) допущена на стр. 297 и в отношении Б.А. Васильева.

Вообще, в книге много опечаток и/или неточностей в датах. Две из них особенно бросаются в глаза. Дважды (с. 76 и 567) годом смерти К.К. Юдахина назван 1979 г., а на стр. 541 сказано, что Н.Я. Марр умер 20 января 1934 г. Но упомянут некролог Юдахина, принадлежащий перу А.А. Реформатского, умершего, как известно, в 1978 г., а в уже упоминавшемся письме А.Е. Крымского И.Ю. Крачковскому от 3 января 1935 г. о смерти Марра говорится как о свежем событии. На самом деле Юдахин умер в 1975 г. (что указано, в том числе в БСЭ, где соответствующий том издан в 1978 г.), а Марр 20 декабря 1934 г. Неточны и даты смерти В.М. Алексеева (с. 297), А.П. Баранникова (с. 348), рождения Б.В. Миллера (с. 329), вероятно, это опечатки. Но вот на стр. 330 комментируется письмо С.Е. Малова от 1922 г., где говорится, что он только что с опозданием узнал о смерти В.Д. Смирнова, П.А. Фалёва и Н.А. Медникова. Поскольку первые двое действительно умерли в том же 1922 г., то и Медникову приписан тот же год смерти. Однако

он умер еще в 1918 г., и указание точной даты сразу бы показало, насколько живший тогда в Казани Малов был оторван от всего, что происходило в других местах. Встречаются, хотя и реже, опечатки и в фамилиях и географических названиях: Лапшево вместо Лаишево (с. 220), Зитаевич вместо Затаевич (с. 265).

Последнее наше критическое замечание касается тезиса, который нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Г.Ф. Благова пишет: «“Турецкие этюды” – это, можно сказать, роковая для А.Н. Самойловича работа, из которой в 1928 г. он опубликовал только концептуальную “выжимку” о единстве среднеазиатско-турецкого литературного языка, а черная тень подозрений, не высказанных до времени укоров в пантуркизме, нависла и затем задушила академика» (с. 408). В подтверждение она ссылается на данные подготовленной с нашим участием книги, где фиксируются показания 1937 г. ряда ученых тюркских народов против Самойловича (из них в следственное дело попали лишь показания Б.В. Чобан-заде). Однако такого рода заключения можно высказывать лишь в виде гипотезы: мы ничего достоверно не знаем о причинах ареста и гибели академика А.Н. Самойловича. Полагаться на следственное дело опасно, но если на него полагаться, то оказывается, что «пантюркизм» там упоминается лишь вскользь, а главное внимание уделено совсем незначительным связям академика с Японией, которые должны были подтвердить главное обвинение – в «шпионаже в пользу Японии», которым якобы он занимался с 1907 года. Можно задавать много вопросов, но ответа на них нет.

Однако все наши замечания имеют частный характер. Главное – в научный оборот введены ценные документы, а биография и статьи Г.Ф. Благовой значительно дополняют наши знания о выдающемся лингвисте, филологе и литературоведе А.Н. Самойловиче.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1991 – В.М. Алпатов. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
Алпатов 1994 – В.М. Алпатов. Периодизация отечественного востоковедения // Восток. 1994. № 1.
Ашнин 1963 – Ф.Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Народы Азии и Африки. 1963. № 2.
Ашнин 1978 – Ф.Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович. 1880–1938 // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
Бартольд 1977 – В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IX. М., 1977.

Богородицкий 1933 – *В.А. Богородицкий*. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.

Неизвестные 2004 – Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004.

Самойлович 2005 – *А.Н. Самойлович*. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.

Язык 1936 – Язык и история. I. М.; Л., 1936.

В.М. Алпатов